

КОНЕРТ был склеен из оборточной бумаги, адрес написан крупно и отчетливо, печатными буквами: «Москва, «Литературная газета». Поэту Н. Тихонову. Если он жив». Да, да, именно такая приписка стояла под именем поэта, и удивляться ей не приходилось — дело было последней военной зимой.

«А я не умер, я жив. Меня не так легко оказалось свалить с ног. Ни трехлетняя блокада Ленинграда, где я был все время, ни голод, ни снаряды, ни бомбы, ни пули, видите, не убили меня», — отвечал Николай Семенович своему корреспонденту, военврачу Галине Волянской. И еще написал, что ученическую тетрадку со стихами, написанными от руки, он прочел, прочел с интересом и с удовольствием, и передал ее в редакцию журнала «Знамя».

Я была в ту пору тесно связана с журналом «Знамя» и помню отлично и ту тетрадку, и те стихи, обрадовавшие, удивившие, взволновавшие всех нас. Стихи были подписаны Галиной Николаевой. И очень скоро, в февральской книжке журнала за 1945 год, была опубликована первая подборка стихов Галины Николаевой — девятнадцать стихотворений. Первая публикация в центральной печати — и сразу девятнадцать стихотворений! Такое случается не часто.

Военврач Волянская, поэт Галина Николаева, жила тогда в Нальчике. Вслед за публикацией стихов к ней полетело множество взволнованных откликов, горячих писем и от нас, литераторов, и от рядовых читателей журнала. Она отвечала новыми стихами. Одинадцать из них появились через два месяца, в апрельской книжке того же «Знамения».

Все мы с интересом ждали Галину Николаеву в Москву, думали о том, какая она. Всеволод Вишневский, тогдашний редактор «Знамения», писал, приглашая ее в столицу: «Посмотрите на Москву, но не погружайтесь в «литературный мир». Простая жизнь, право, лучше. Я знаю это по опыту». Задумывался ли он тогда о ее опыте? И что именовал «простой жизнью»? Работу военврача?

Ее появление в Москве могло, бесспорно, носить почти триумфальный характер: она напечатала одним ударом тридцать стихотворений, в сущности — целый сборник, ей были открыты все двери, все возможности. Как она воспользуется ими?

Она появилась в мае 1945 года. Держалась очень естественно и просто, очень спокойная, очень сосредото-

САМОЕ ГЛАВНОЕ, САМОЕ ТРУДНОЕ

2004 К 70-летию со дня рождения Галины Николаевой

ченная. И почти ощутимо было, что, несмотря на свой ошеломительный успех, она думает не о празднике, не о триумфе, она переполнена серьезными и глубокими размышлениями о своей жизни, о своем будущем. Уже совсем незадолго до конца она сама вспоминала свои раздумья той поры, свое душевное состояние:

«Чем больше была тяга к новому для меня миру литературы, тем больше было и сопротивления... Знакомый мне маленький мирок был ограничен, но мил и понятен. Свое маленькое дело я делала почти безупречно».

Что за «маленький мирок»? Какое «маленькое дело»? Что она имеет в виду? Она — военврач, участник войны, не раз бывавший под огнем...

Ее уже не было на свете, когда я узнала об одном таком «маленьком деле» в том «маленьком мирке». Вот письмо в газету «Горьковская коммуна», датированное 16 октября 1942 года. Я приведу его полностью, оно стоит того:

«Уважаемая редакция!

Я, инвалид Отечественной войны, младший лейтенант Сухотин, Алексей Иванович, проездом через Горький, пользуюсь случаем поблагодарить горьковского врача Волянскую и сестру Лену Пригунову, которые работали на санитарном поезде «Композитор Бородин». Как я слышал, пароход этот погиб, а команда, которая спаслась, поехала в Горький. Если Волянская и Пригунова живы, то посылаю им красноармейское спасибо, а если нет, то их родителям. В ту ночь, как над санитарным паролком кружились гитлеровские стервятники и бросали бомбы, и строчили из пулемета, перед лицом смертельной опасности т. Волянская дала свой спасательный пояс раненым, хотя сама плавать не может. И когда все сошли на берег и попрятались в кусты, нас, четверых тяжело раненных, нести было нельзя, и мы остались на пароходе, но т. Волянская и Пригунова Лена нас бросить отказались, хотя мы их и отсылали. Они всю ночь были с нами на пароходе, в опасности успокаивали нас и дали лекарство, от которого боли прошли и ударило нас в дремоту. В ту ночь мы, четверо тяжело раненных, лежали на пароходе, с которого все ушли. По нас стреляли и бросали бомбы, а врач и сестра добровольно остались с нами. Я никогда не забуду и на трудовом фронте буду так же биться, как бился под Сталинградом. А т. Волянской и Пригуновой прошу передать красноармейское спасибо!

Младший лейтенант А. СУХОТИН».

Очевидно, это и было то «маленькое дело», которое она, по собственному признанию, «делала почти безупречно».

Тогда, сразу после войны, Галина Николаева, всерьез задумываясь над своим литературным будущим, даже не разрешила себе вспомнить ту ночь 1942 года на пароходе «Композитор Бородин». Однако она вспомнит ее очень скоро, вспомнит ярко и отчетливо, в мельчайших деталях и оттенках, вспомнит высшей памятью, сверхпамятью художника. Вспомнит и превратит в замечательный рассказ «Гибель командарма».

Именно так: столь решительно заявив о себе — поэте, когда, казалось бы, самое время утвердиться и поудобнее расположиться на этом труднодоступном, но уже бесспорно захваченном плацдарме, Галина Николаева, нимало не забывая об этом, метнулась на другую высоту — в прозу. Рассказ был прислан по почте откуда-то издалека. Редактировался и сдавался в печать без автора. И решительно никто не знал, где он находится, автор.

Галина Николаева оказалась в колхозах Горьковской области. В деревню ее потянуло профессиональное чутье писателя в истинном смысле этого слова, писателя, устремленного туда, где в этот момент происходит самое главное, самое трудное, самое неразрешенное и неосмысленное. Такой самой горячей точкой была послевоенная деревня, послевоенное сельское хозяйство. Галина Николаева привезла оттуда очерк «Колхоз «Трактор», показав себя серьезным и глубоким журналистом и публицистом. Материал, поданный ею, был столь интересен и важен, что, опубликованный в «Знамени», был тотчас же перепечатан «Правдой», — не припомню я что-то подобных случаев в нашей литературной жизни. А встреча писателя с деревней тяжелых послевоенных лет была столь значительна, что не могла быть исчерпана несколькими газетными очерками и подсажала Галине Николаевой замысел большого романа.

«Жатва» — серьезное и талантливое произведение, не-

сущее на себе бесспорный след противоречивых и сложных процессов, проходивших тогда в нашей жизни и, соответственно, в нашей литературе. Позволю себе утверждать, что требования, предъявляемые тогда к литературе, сделали и этот роман психологически и душевно беднее, чем он мог быть, чем он был задуман. И уж во всяком случае, потери, понесенные романом, сделали чрезмерно букалическими страницы, завершающие его. Что ж поделаешь, мы живем в своем времени, и отнюдь не всегда нам удается переспорить его. Не удалось это в полной мере и упорной, горячей, молодой Галине Николаевой. Но и с этими оговорками «Жатва» заслуженно осталась в советской литературе тех лет.

Роман вышел в пятидесятом году, через пять лет после публикации первых стихов. Согласитесь, что за пять лет молодой писатель сумел сделать неслыханно много. И продолжал в том же темпе, ни на минуту не задерживаясь на сделанном, — в то время как читатель получает его новое создание, автор уже отошел от этого создания, уже озабочен чем-то иным, уже устремлен в новый замысел, в новый материал, в новые глубины.

С первых шагов своих Галина Николаева была глубоко профессиональна — истинный писатель, с великолепной хваткой, с твердой рукой, умеющей ухватить за узду самого нравного коня. Ее талант был защищен от всяких случайностей железным умением работать — работать всегда, вопреки всему и несмотря ни на что, острым интересом к жизни, умением угадать и почувствовать самое важное сегодня, ухватить и вытащить на поверхность из самых глубин и показать его людям. И притом в ней была завидная уверенность в себе, человеческое свойство, которое я убедительно прошу не смешивать с самоуверенностью, ибо это суть явления принципиально разные. Я толкую о том драгоценном ощущении, которое дает писателю уверенность, что то, о чем он хочет и может говорить, будет нужно и

интересно людям. Это ощущение бесценно — без него талант, свойство хрупкое и неустойчивое, может подкачать и не состояться, утечь сквозь пальцы и уйти в песок, чему мы — увы! — порой бываем свидетелями.

Смолodu тяжелобольной человек, окончательно подорвав здоровье на войне, она и больная работала всегда, и всегда в работе у нее было несколько вещей, иногда в разных жанрах. И всегда она была переполнена замыслами и намерениями и уже готовилась к новой работе, уже собирала новый материал, общалась с людьми новых профессий, с людьми своих новых замыслов. Иногда всерьез штудировала учебники, чтобы твердо знать дело, о котором собирается писать. И ни от чего своего не отказывалась, ничего своего не бросала по дороге. Так, прозаик, публицист, драматург, кинодраматург, она все равно всю жизнь писала стихи, всю жизнь жила в неких поэтических звучаниях. Чем-то, очевидно, они помогали ей осмысливать жизнь или попросту жить.

Я не стану перечислять все написанное ею, не стану оценивать и разбирать ни «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», ни «Битву в пути», полное внутренней тревоги начало которой — описание мартовской ночи 53-го года — я считаю решительным выходом современной нам литературы на новые высоты, ни «Наш сад» — лирическую исповедь последних лет уже беспомощного, уже обреченного человека. Ибо я пишу не критический разбор, но литературоведческое исследование творчества Галины Николаевой, я всего только вспоминаю о ярком и незабытом ее явлении в нашей общей судьбе, всего только тужу о ее безвременном уходе.

Маргарита АЛИГЕР

Галина НИКОЛАЕВА

Из неопубликованных стихов

Кабардинская ночь

В кабардинскую зимнюю слякоть,
В темноте кабардинских ночей,
О, как нужно мне крепко поплакать
У кого-то на добром плече.

Телеграммой ли, песней,
Письмом ли
Невозможные бросить слова:
«Сильный друг мой,
Помоги мне, пока я жива!»

Ты придешь мне на помощь,
Я знаю.
Ты измену простишь в эту ночь.
Но такие, как я, умирают
Много легче, чем просят помочь.

1944 г.

Возвращение героя

Пройдя утраты и уруны,
Узором башен и колонн,
В пролет московского перрона
Приходит дальний эшелон.

Что бой не вечен, путь конечен,
Что предназначен час — ты знал.
Полоской радуги отмечен,
Проходишь Западный вокзал.

Над краснотеловой, златоглавой
Летит и тает сияние.
Тут брошен акорд... Гавань, гавань!
Конец, конец... Москва, Москва!

Наган да сумка. Где же вещи!
Зачем! Подтянут, свеж, побрит.
И плещут площади, и плещет
Разлив проспектов о гранит.

И узнавал еще у дач ты,
Еще с утра, еще вдали,
В антеннах, в шпильях — мачты,
мачты!
В домах — морские корабли.

Ты не моряк, так отчего же
Под этой высью голубой
Тебя и манит, и тревожит
Приморский бриз, морской прибой!

Зачем не то успокоенье!
Какой мотор в твоей груди!
Какое новое виденье
Уже маячит впереди!

Какой еще тебе награды!
О чем твердишь: «Старо! Старо!»
Встречает блеском колоннады
Тебя московское метро.

И от простреленной шинели
Чуть пахнет гарью и пылью,
И веет ветер подземелий
На опаленное лицо.

Выходишь в центре. Скоро, скоро
Зубчатый Кремль, желанный миг.
Кипит и плещет гавань-город.
Берешь машину: напрямик!

Летят бесшумные машины,
Мелькает близ, маячит даль.
И под резиновые шины
Течет асфальт, течет асфальт!

О, город славы, город силы!
Ты в нем, ты с ним,
ты здесь, в Москве!
Геометричный, плоскокрылый,
«У-2» проходит в синеве.

Ты с ней сильней, чем прежде,
дружен.
Как рупора над ней поют!
Иной покой тебе не нужен,
Тебе постыл любой уют.

Здесь отплывают от причалов,
Здесь начинается судьба.
А для тебя конец — начало.
Покой — движенье, мир, борьба.
1945 г.

Публикация М. САГАЛОВИЧА